

страна востока

// хождение за три моря //

// этнографические этюды //

// тропы //

// всемирное наследие //

// лавка востокоеда //

// почитатель //

// orientnet //

...ведь целью нашей была не просто страна Востока,
или, лучше сказать,
наша страна Востока была не просто страна,
не географическое понятие,
но она была отчизной и юностью души,
она была везде и нигде,
и все времена составляли в ней
единство вневременного.

Г. Гессе

Николай
Листопадов

Княжество за Гималайским хребтом

Мне выпала удача несколько лет прожить в Непале, необычайно интересной стране в Гималаях. Здесь все уникально. Непал – единственное в мире индуистское королевство и в то же время – родина Будды. Тут самые высокие в мире горные вершины, включая Эверест, и жаркие джунгли, слоны, носороги, крокодилы, тигры. Бесчисленное количество индуистских и буддийских храмов, пагод и монастырей, украшенных фресками, скульптурами и ажурной деревянной резьбой. Казалось бы, что может быть экзотичнее? Оказывается, это еще не всё.

На севере центральной части королевства, на границе с Тибетом, расположена область Мустанг, населённая по преимуществу тибетцами. Мустанг считается княжеством со своим правителем-раджей, который является лишь номинальным властелином. Доводилось видеть его в Катманду: обычный мужчина средних лет в европейском костюме и в соломенной шляпе. У раджи есть своя столица с дворцом – поселение Ломонтанг, затерявшееся за Гималайским хребтом. Чтобы попасть туда, требуется специальное разрешение, за которое, к тому же, надо выложить приличную сумму. А главное – путешествие в ставку правителя требует много времени, которого у меня не было. Так что до Ломонтанга я не добрался. Но в Мустанге побывал.

Предприимчивые тхакали

Сначала я совершил получасовой перелёт из Катманду в курортный город Покхара, расположенный в неширокой долине на берегу красивого озера Фева. Покхара обрамлена снежными пиками, которые отражаются в озёрной глади. Особенно впечатляет гора Мачапучхре («Рыбий хвост»). Своими очертаниями она действительно очень напоминает хвост гигантской рыбы. Мачапучхре почитается священной, поэтому восхождение на неё запрещено. Из Пок-

Николай Александрович
Листопадов – дипломат,
доктор исторических наук.

Гуру Ринпоче, основатель буддийской школы ньянгмапа.

хары отлично видна и знаменитая Аннапурна, названная так в честь богини изобилия и плодородия. Где-то там, за сверкающими снегами и льдами пиками, – Мустанг.

То, что Мустанг – особый мир, начинаешь понимать уже в аэропорту Покхары. Дело в том, что в горном княжестве хотят сохранить в неприкосновенности не только традиции и культуру, но и природу. Поэтому в Мустанг, к примеру, категорически запрещён ввоз полиэтиленовых пакетов. Перед посадкой в самолет дотошный контролёр обнаружил у меня в багаже пластиковую сумку. Пришлось её оставить. Ничего не поделаешь: экология требует жертв.

До Джомсома, административного центра области, всего 15–20 минут лёта. Крошечный, просто шкатулка с крылышками, самолётик храбро петляет между вершинами. Где-то далеко внизу видна река Калигандаки. Это ущелье – одно из самых глубоких в мире. За Гималаями пейзаж резко меняется. На Тибетском плато очень сухо. Влага с Индийского океана не достигает этих мест, тут очень редко бывают дожди.

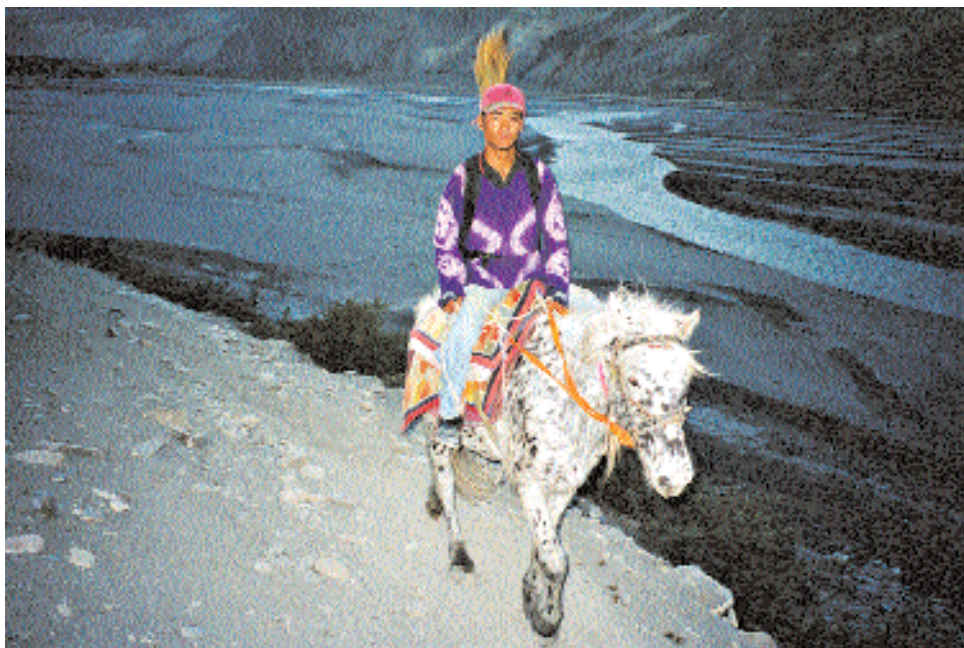
Взлётно-посадочная полоса в Джомсоме протянулась вдоль реки. Спускаемся по трапу – и замираем. Прямо за рекой вздымается снежный великан. Это Нилгири, или Сапфировая гора. Такое впечатление, что от неё на самом деле исходит голубоватое свечение. Машин в Мустанге нет, до гостиницы добираться пешком, карабкаясь по довольно крутому склону. Меня обгоняют караваны пони.

Прошли тяжело навьюченные *джану* – сильные животные, помесь коровы и яка.

Сам по себе Джомсом не представляет большого интереса. Это просто административный центр области с несколькими небольшими гостиницами и постоянными дворами. К северу от него расположены тибетские поселения, а в деревнях к югу живут люди народа *тхакали*.

Целый день я посвятил осмотру тхакальского поселения с милым названием Марфа, окружённого яблоневыми садами. К нему ведёт тропа, протянувшаяся вдоль Калигандаки. Сама Марфа, в которую попадаешь через каменные ворота, напоминает небольшую средневековую крепость. Застройка необычайно плотная, мощённая камнем узкие улочки. Вся жизнь протекает в защищённых со всех сторон от ветра двориках. В центре деревни, на пригорке, высится внушительный буддийский монастырь. Отсюда Марфа напоминает огромный дровяной склад. Дело в том, что на зиму – а она в Мустанге довольно прохладная, ночью подмораживает – жители заготавливают дрова, которые складывают на плоских крышах своих жилищ. Над домами возвышаются лес длинных шестов с разноцветными кусочками ткани, на которых написаны священные тексты – мантры. Ветер колышет лоскутки, и молитва как бы разносится над деревней.

Тхакали – народ немногочисленный, но очень предприимчивый. На протяжении веков, наравне с тибетцами, они были вовле-

Ни автомобилей, ни дорог здесь нет.

Дети в Мустанге любят фотографироваться.

Старая буддийская ступа.

чены в оживлённую торговлю между Тибетом, Непалом и Индией. По горным тропам шли караваны с солью, шерстью и другими товарами. Навьюченные животные и сейчас являются неотъемлемой частью мустангского пейзажа. Лошадки изысканно украшены. Над головами у них топорщатся ярко-красные султаны. И повсюду раздаётся мелодичный звон их колокольчиков. Теперь, правда, они перевозят, в основном, поклажу туристов – тхакали успешно занимаются туристическим бизнесом, содержат гостиницы и сувенирные лавки.

Тхакали подверглись влиянию как северных соседей – тибетцев, так и южных – непальцев и индийцев. От тибетцев они восприняли буддизм школы *нынгмапа*, а от непальцев – некоторые традиции и обычаи, одежду. Женщины тхакали ставят себе на лоб *тику* – красное пятнышко, которое символизирует благословение. Тибетку же сразу узнаешь по пестро-полосатому фартуку, ещё они питают слабость к украшениям из бирюзы, любимого в Тибете камня.

Монастырь *нынгмапы*

Вечером я знакомился с другой тхакальской деревней – Сьянг, поменьше, чем Марфа. За каменными заборами вздыхали коровы, бляели овцы. Я свёл знакомство с пожилым крестьянином, и он пригласил меня в гости. Естественно, сразу же стал угощать

Паломница-индуска закрыла лицо платком от ветра.

Управлять лошадьми здесь умеют с детства.

На длинных шестах – кусочки ткани с мантрами.

чаем и яблоками. Потом провёл на второй этаж, где находится алтарь с изображениями Будды, основателя нyingмапы Гуру Ринпоче и неизменным портретом Далай-ламы. Хозяин показал мне тибетский календарь, молитвенники на тибетском языке, изданные в Индии. Сам он неплохо владеет тибетским, в отличие от меня. Все-таки немного поговорить удалось. Хозяин оказался многодетным отцом – четыре дочери и сын. Семья живёт, в основном, за счёт разведения овец. Спрос на шерсть неплохой. Она идет на изготовление ковров, которые пользуются популярностью за рубежом. Дополнительный доход даёт яблоневый сад. По старой лестнице, представляющей собой бревно с выдолбленными в нем ступеньками, мы выбрались на крышу. Там сушились мелко нарезанные яблоки. Местные экологически чистые сухофрукты закупаются даже Японией. Круглолицая и краснощёкая дочь хозяина вручила мне пакетик с сушёными яблоками. А вот попробовать яблочный бренди местного приготовления я отказался. Слишком он отдавал сивухой.

Уже был поздний вечер, когда я возвращался, но сумерки не могли скрыть громаду Нилгири. Её голубоватый силуэт четко просматривался в лунном свете.

На другой день я отправился в старинный монастырь нyingмапы, видневшийся на вершине холма. Снизу постройки выглядели более чем скромно. Почти в самом на-

Среди послушников-музыкантов – совсем маленькие дети.

чале пути произошел курьёзный случай. На выходе из Джомсома тропа оказалась заблокированной большим овечьим стадом. Автомобили по причине отсутствия дорог здесь отсутствуют. Однако в Джомсоме есть трактор с тележкой, на которой туристов доставляют в пятизвездочную гостиницу. Так вот, этот трактор встретился в узком

Врата с изображением восьми счастливых символов, ведущие в храм Муктинатх.

месте с большим овечьим стадом. Овцы, как им и положено, стали бестолково топтаться на месте, полностью перекрыв проход и проезд. Пастухам потребовалось минут пятнадцать, чтобы увести стадо.

Вскоре добрался до еще одной тхакальской деревни –Тхини. Отсюда открывается вид на восьмимысячник Дхаулагири. Выступы камней на крутых склонах выкрашены известкой и напоминают священные сооружения. На меня налетела шумная ватага сопливых деревенских ребятишек в рваных одежках, что ничуть не портило этим пацанам настроения. Они весело смеялись и требовали сфотографировать их, что я с удовольствием и сделал.

От Тхини тропа идёт резко вниз, к шумящему в ущелье ручью. По висячему мостику перебираюсь на противоположный берег. И опять – крутой подъем. Тут налетел обычный в это время ветер. Пыльно, но все неудобства моментально забываются, как только мы добираемся до крошечного горного озера Думба. Озерцо образовалось в результате таяния снегов на Нилгири. По берегам растут сосны с темно-зеленой хвоей, у берега тонкий ледок. Ощущение необычайной свежести.

От озера хорошо просматривается панорама монастыря. Его бордовые стены четко выделяются на серовато-коричневом фоне камней и пожухлой травы. Карабкаться к монастырю приходится минут сорок. Монастырская территория огорожена оградой из камней с внушительного вида воротами. Снаружи обитель выглядит очень скромно,

Будда Шакьямуни Гаутама с учениками.

и внутри я не ожидал увидеть ничего особенного, но ошибся. По полутёмным коридорам я пробрался в глубь монастыря. В модельне, скупо освещённой светом, который проникал через расположенные под самым потолком узкие окошки, шла служба. Ламы и послушники читали монотонными голосами мантры. Молитвы то и дело прерывались оркестром, состоящим из барабанов, флейт, длинных труб и больших белых раковин. Среди послушников-музыкантов были совсем маленькие дети. Они усердно дули в дудки, смешно надувая щеки. В каменном помещении холодно, поэтому ламы были в шерстяных варежках. Приглядевшись, я увидел, что святилище богато украшено яркими настенными росписями, многочисленными статуями будд, бодхисатв, божеств необъятного тибетского буддийского пантеона, иконами-танка на хлопковой ткани.

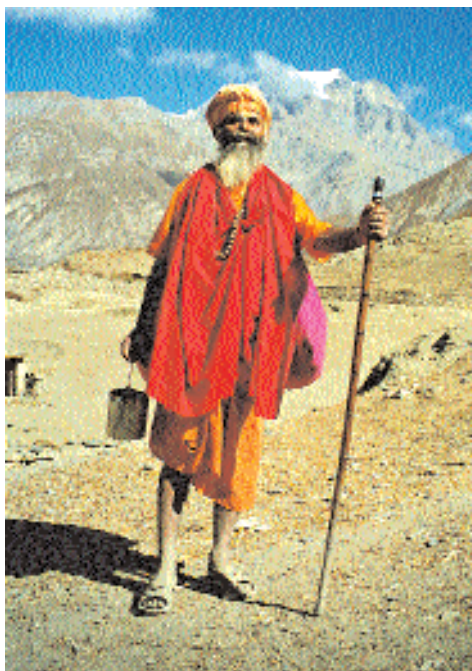
Бросились в глаза изображения Падмасамбхавы, называемого также Гуру Ринпоче, который, по преданию, принёс буддизм в Мустанг в VIII в. н.э., основав традицию ньингмапа, известную еще как секта жёлтошапочников. В ньингмапе упор делается на мистику, эзотерические обряды. Это и не удивительно, если принять во внимание уникальные условия обитания людей у вечных снегов, невероятно высоких пиков, глубоких ущелий и бурных рек.

Настоятель монастыря, довольно молодой лама, говорит, что обитель древняя. Он объясняет мне, кто есть кто из многочисленных божеств тибетского буддизма, подводя то к фреске, то к статуе. В монастырях

Мустанга очень популярен бодхисатва Манджушри, почитаемый как божество мудрости. Настоятель объясняет: «О том, что перед вами образ Манджушри, свидетельствуют пламенеющий меч и священная книга, которые этот бодхисатва держит в руках. Огненным мечом он рассекает невежество». *Дхармапалы* – божества-охранители.

Авалокитешвара – бодхисатва милосердия и сострадания.

Паломник-садху пришел в Муктинатх из Индии.

тели буддийского учения – всегда изображаются в устрашающем облике: с выпученными глазами, оскаленными ртами, да вдобавок ко всему со множеством черепов. Так что враги буддизма трепещут.

Когда я поднимался к монастырю, мне казалось, что до подножия Нилгири, где начинаются снега, – рукой подать, стоит только пройти пару часов. Взобравшись же на вершину холма, откуда открывается вид на другую сторону хребта, видишь, что до границы вечных снегов и льдов еще ой как далеко – не хватит и целого дня. Расстояния в горах обманчивы.

К сожалению, мне не удалось попасть в Муктинатх, знаменитое место паломничества индуистов и буддистов не только Непала, но и Индии. В декабре перевалы завалены снегом. Что ж, хороший повод ещё раз побывать в Мустанге. Что я смог сделать через год, когда появилась возможность осуществить мечту – добраться до Муктинатха и, может быть, приблизиться к состоянию вечного блаженства.

Священный огонь Муктинатха

«Окно» для поездки выкроилось в августе. В Непале это далеко не самое лучшее время для путешествий. Муссон ещё не кончился, то и дело обрушиваются обвальные ливни. До Покхары я долетел без проблем. А вот там застрял. Не переставая шёл дождь, густой туман плотно укутал долину.

Все рейсы на Джомсом отменены. Пришлось только полюбоваться озером Фева в туманной дымке и не солоно хлебавши возвратиться в Катманду.

В октябре предпринимаю ещё одну попытку достичь Муктинатха. И опять поездка чуть не сорвалась. И снова по той же самой причине. Один день потерял, дожидаясь лётной погоды. Но когда, казалось бы, уже можно было лететь, выяснилось, что сломался самолет. Определённо, высшие силы продолжали считать, что я ещё не готов побывать в Муктинатхе. В конце концов боги Непала смилоствивились, самолет починили. И я вновь оказался под горой Нилгири. Не теряя ни минуты, двинулся в путь, на север, в сторону китайской границы. Едва приметная тропа проложена по высохшему руслу Калигандаки.

Обязательно надо побывать в средневековом поселении Кагбени. Тут, в отличие от Марфы, живут не тхакали, а тибетцы. Однако у двух городков много общего, что обусловлено сходными природными условиями и близостью культурно-религиозных традиций. В Кагбени ветры дуют ещё сильнее – ущелье реки представляет собой мощную аэродинамическую трубу, и застройка здесь даже более плотная, чем в Марфе.

Над всеми городками Мустанга доминируют монастыри-крепости с красными стенами. На крышах молелен обязательно находится изображение чакры – колеса учения, которое поддерживают два оленя. То тут, то там встречаются ступы – своеобразные па-

Местное архаичное божество.

мятники умершим. Некоторые из них побелены известкой и ярко раскрашены. Подножия ступ покрыты священными письменами. Самая распространённая надпись – мантра в честь бодхисатвы милосердия Авалокитешвары «Ом мани падме хум». И крестьянские дома здесь солидные, в два-три этажа, из камня. Поэтому мустангские селения выглядят как небольшие города-крепости.

Тибетское плато – очень засушливое место. В пейзаже преобладают пепельно-серые, коричневатые тона. По контрасту с неброской природой еще больше поражает сочность монастырских фресок. Как живые, на стенах монастырей встают боги и герои. Горят краски на картинах-танка. Однако в Мустанге буддизм переплелся с местными архаичными верованиями. В одном из узких переходов между двориками наткнулся на фигуру идола с резко подчеркнутыми половыми признаками.

Казалось бы, каменистая почва Мустанга бесплодна. Но это не так. Наладив орошение из горных речек, здесь выращивают ячмень, овощи. И даже разводят уже упоминавшиеся яблоневые сады в местах, защищённых от ветра. Мустангские яблоки славятся по всему Непалу. На маршруте по пыльным, каменистым тропам Мустанга я то и дело подкреплялся сочными плодами, покупая их у тибетцев за гроши.

После Кагбени тропа круто уходит вверх и ведёт к цели заоблачного путешествия – в Муктинатх, расположенный на высоте около четырёх километров. Это священное место упоминается в «Махабхарате». *Мукти*, согласно философии индуизма, – состояние блаженства, окончательного освобождения от цепи перерождений.

Вид на Муктинатх открывается издали. Это целый комплекс, прилепившийся к

склону холма. Индуистские и буддийские святыни расположены в тенистой роще деревьев, напоминающих наши тополя. Муктинатх – это единство четырёх первоэлементов. Помимо каменистой земли и горного воздуха, здесь представлены вода, низвергающаяся со скал, и огонь, выходящий на поверхность из горных пород. Пламя пробивается сквозь водяные струи, символизируя единство всего сущего. Над священным огнем возведён буддийский храм. На пламя заворожённо смотрят Будда и бодхисатвы. Знакомые фигуры Падмасамбхавы и Манджушри. Авалокитешвара – бодхисатва милосердия и сострадания – держит двумя руками из четырех магический драгоценный ка-

Храм Муктинатх.

мень. На свете нет такой силы, которая могла бы уничтожить эту драгоценность.

Потоки ледяной воды с горных вершин попадают в храм Вишну по желобам, украшенным изображениями голов различных животных или мифических существ. 108 струй падают на них. Под ними совершают омовения паломники. Особенно колоритны аскеты-садху в оранжевых одеяниях. Некоторые садху пришли пешком из Индии, чтобы поклониться святыням Муктинатха. Паломники из жаркой Индии приходят сюда и зимой, когда им, полуодетым, приходится ступать фактически босыми ногами по снегу. Но им не холодно. Наверное, их согревает огонь Муктинатха. В святилище ведут врата, украшенные восемью символами счастья. К ним относятся белый зонтик, победное знамя, сосуд с амритой, две рыбы, лотос, бесконечный узел, метелочка и лотос. Прошедшему через эти врата обязательно повезет.

У пика Соронг

Не устаёшь удивляться краскам Гималаев и Тибетского плато, знакомым по рериховским полотнам. Особенно хороши горы на закате и на рассвете. В Мустанге веет вечностью – от несокрушимых гор с их вечными снегами, от мощных монастырских стен и от неугасимого огня Муктинатха, возникающего прямо из воды.

Муктинатх считается священным и потому, что в здешних местах находят очень много *шалиграмов* – окаменелых моллюсков, которым 200 миллионов лет. Древние раковины, превратившиеся в камни, акку-

ратно разделены торговцами сувениров по полам. Берёшь в руки подарок из палеозоя и долго рассматриваешь причудливые узоры, отпечатки доисторических существ. Кажется, что в них зашифрована какая-то неведомая нам тайна ушедших веков.

В Муктинатхе царит полный покой. Возле первоэлементов, лежащих в основе мироздания, не может быть суеты. Но мир не заканчивается в Муктинатхе. Тропа идет ещё выше, к перевалу Соронгла, на высоту почти пять с половиной километров. Подъём необычайно крутой, почти вертикальный. Ближе к пяти тысячам исчезает всякая растительность. Крутом только тёмные камни, почти лунный ландшафт. Только со всех сторон сияют снежные шапки вершин. Еще немного, и я у заснеженного подножия пика Соронг. Прямо передо мной под солнцем на фоне изумительно синего неба ослепительно сверкает хрустальная громада горы. Воздух разрежён, но дышится легко. Конечно, мне хотелось бы идти дальше, до самого перевала.

Обратный путь в Джомсом был нелёгким. К вечеру подул сильный ветер, который буквально валил с ног. А я и без того устал. Но меня развеселила семья тибетцев, возвращавшаяся на пони в свою деревню. Припозднившиеся путники энергично прищпоривали лошадок. Увидев меня, всадники расплылись в улыбках словно не было никакой пыльной бури. Мустангцы – удивительно выносливые, жизнерадостные люди. Другие и не смогли бы выжить в этом прекрасном и суровом краю, создать и сохранить уникальную культуру.

Фото автора.

Горный монастырь обнесён каменной стеной.

